

Е. И. Зеленеv

ГЕОКУЛЬТУРА И ХРОНОКУЛЬТУРА: ПРОТИВОСТОЯНИЕ

«Человек вошел в мир бесшумно» [1, с. 148–151], но, самоотверженно отстояв свое право на земное существование, создал тип культуры, который произвел взрыв научной мысли XX столетия, подготовленный всем прошлым биосферы. Владимир Иванович Вернадский, кажется, не без грусти отмечал, что человек уже «не может остановиться и пойти назад», поскольку «процессы, подготовлявшиеся миллиарды лет, не могут быть преходящими, не могут остановиться». *Ноосфера* — это биосфера, переработанная научной мыслью. В таком случае культура — это «природа, которую пересоздает человек, утверждая себя посредством этого в качестве человека» [2, с. 24].

Мысль, согласно которой *культура — это природа, которую пересоздает человек, утверждая себя посредством этого в качестве человека*, — один из важнейших тезисов данной статьи. Дело в том, что человек, пересоздавая природу, неизбежно принимается за переосмысливание культуры с помощью сознания и универсального образного мировидения, сформированного на основе некоей общечеловеческой этической традиции. По некоторым оценкам на заре человеческой цивилизации около полутора миллионов лет назад численность *Homo habilis* (человека умелого) не превышала ста тысяч. Сегодня нас более семи миллиардов, тогда как всего-навсего 80 лет назад на Земле проживало только два миллиарда человек. «Именно развитым сознанием, языком и культурой мы отличаемся от животных, и потому нас в сто тысяч раз больше, чем соизмеримых с нами тварей... Человек окружил себя домашними животными, которые также умножили свою численность, далеко опередив диких собратьев» [3, с. 27].

Реализуемая в пределах той или иной культуры, человеческая деятельность как бы достраивает субстанцию самой природы, пробуждая в ее объектах такие сущностные свойства, которые без человека никогда бы себя не обнаружили. Фактически человеческая мысль открывает, говоря словами В. И. Вернадского, *другие* области реальности, чем та, в которой идет человеческая жизнь. Другие — лишь в том смысле, что человек биосферы даже не подозревал об их существовании. Тогда как человек ноосферы объективно стремится и субъективно нуждается в многоуровневом миропонимании: в масштабе от «пространство-время» предельно малого до «пространство-время» предельно большого, не упуская из вида аутентичное человеку реальное «пространство-время», которое мы склонны именовать геокультурным пространственно-временным ансамблем. Эту же мысль о новом качестве современного этапа человеческой эволюции высказывает и Рут Нанда Аншен, жена Эриха Фромма, написавшая заключительный раздел к его работе «Революция надежды...»: «Человек вошел в новую эпоху эволюционной истории, а главное следствие этого — быстрое изменение. Он борется за фундаментальные перемены, поскольку вовлечен в эволюционный процесс. ... В результате борьбы с препятствиями, создаваемыми окружающей средой, он замещает целенаправленный эволюционный процесс медленной, но эффективной биологической эволюцией, которая продуцирует современного человека через мутацию и естественный отбор» [4, с. 178].

Аншен делает вывод, что путем интеллектуальной интервенции в эволюционный процесс человек в большой мере увеличил диапазон своих возможностей, но оказался на пути, чреватом опасностями и ошибками. Одно из ошибочных направлений развития ведет к «пустоте ума и сердца, моральной апатии и интеллектуальной инерции, даже к производству социальных динозавров, не годящихся для жизни в развивающемся мире». Другой путь, который, видимо, Аншен полагает разумным, состоит в том, чтобы пока еще имеющееся, пусть и незначительное, духовное совпадение человека с миром, сделать «священной для каждой человеческой личности основой множественности культур» [4, с. 183]. По сути речь идет об объявлении индивидуальной «охоты» на Образ мира, способной объединить людей, ответственно относящихся к себе и окружающим, способных видеть мир как целостный образ — Образ мира.

Культура наделяет Образ мира мощным потенциалом саморазвития. Переход от культуры к геокультуре позволяет увидеть как бы два феномена одновременно: культуру идей и культуру людей. Изобретатель понятия «геокультура» — Иммануил Валлерстайн [5]. По Валлерстайну геокультура — это культурное основание *господствующей* миросистемы, способствующее ее сохранению. Сегодня понятие *геокультура* широко используется в трактовках, во многом отличных от первоначально данных И. Валлерстайном. Ряд исследователей противопоставляет геокультурный подход геополитическому как альтернативный, что справедливо в такой же степени, в какой вообще справедливо противопоставление культуры и политики. В эпоху межкультурных коммуникаций и информационной революции происходит невиданное прежде по глубине и интенсивности партнерство «своих» и взаимодействие «чужих». Вектор такого взаимодействия постепенно смещается из сферы политики в сферу культуры, которая в этом случае принимает образное выражение геокультурного пространства Земли. В поле геокультуры культурный символизм живет жизнью собственных смыслов. В поле геополитики культурный символизм преобразуется в символизм идеологический. Геополитическая история почти всегда дает нам примеры сложного манипулирования геокультурными образами.

Геокультурное пространство представляет собой объективную реальность, а образ геокультурного пространства можно рассматривать как результат его субъективного осмысления и, в идеале, вербального описания. Геокультурное пространство — *система устойчивых культурных реалий на определенной территории, представления о которых формируются в результате сосуществования и взаимодействия различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира* [6, с. 70]. В геокультурном пространстве люди и народы объединены и одновременно разобщены языками и культурами. Возникает естественный вопрос о миссии человека, владеющего двумя и более языками. По мнению Е. Островского, изложенному в докладе «Новые границы мира: геокультура» (2006 г.) [7], этот человек — пограничный человек, «терминатор», по которому проходит черта между языковыми мирами и геокультурными пространствами. Здесь граница может превращаться из линии разделения в линию объединения. Геокультурный «пограничник» стирает границы между культурами, впитывает их в себя, сам становясь посредником, связующим фактором межкультурных коммуникаций внегосударственного масштаба.

Парадоксально, но факт: понятие геокультуры указывает на возможность отсутствия у государства вообще какого-либо пространства, поскольку культура в прин-

ципе не нуждается в пространстве как атрибуте своего существования. Возможно ли существование государства без пространства и мира без государств-пространств? Геокультурное воображение позволяет представить себе такой мир «ватиканизированных государств» корпоративного типа. В этом случае мир геокультуры становится миром абстрагированного от отдельной личности обобщенного «внутричеловеческого пространства», которому вовсе не безразличны как его культурное содержание (культурный контент), так и его пространственные параметры. Речь идет не о вульгарных границах земельного участка, а о специфическом пространстве бытования культуры. Оно может оформиться в виде абстрактной кухни малогабаритного жилья, и тогда культура приобретает специфический «кухонный» оттенок, а может быть неким блестящим литературным салоном, и в таком случае и культура становится довольно «салонной».

В этом контексте «гео» не обязательно означает слово «земля» и не так уж тесно взаимодействует с наукой географией (хотя возможно и так). «Гео» в контексте геокультуры может означать и геометрию, но не в том ее морфологическом значении, когда она была связана с землемерством, а в абстрактном значении, в котором «она оперирует совершенно отвлеченными пространствами» (Островский Е.) и, добавим, преобразованными формами пространства, смоделированными пространствами мировой культуры с учетом нового качества межкультурной взаимосвязанности.

Устойчивым признаком быстро меняющегося протоглобального мира выступает «всеобъемлющая связанность», которую бесполезно игнорировать, но довольно трудно сформулировать в силу постоянной трансформации реальности. Переход от понятия Мировой культуры к понятию геокультуры Мира в его образно-пространственном воплощении наглядно представлен схемой 1¹.

По заложенному в нем смыслу понятие геокультуры — одна из наиболее масштабных гуманитарных категорий, характеризующих глобальную интеграцию и многообразный характер мировой культуры. Вводя же понятие хронокультуры, с акцентом на скорости образования тех или иных искусственных форм и социально обусловленных моделей поведения макросоциальных групп людей без учета места их пребывания, мы получаем возможность исследовать бинарную оппозицию «геокультура-хронокультура».

Выдающийся английский антрополог прошлого века Эдмунд Лич (1910–1989) одним из первых пытался, во-первых, связать современное состояние культуры (культурогенез) с эпохой «универсальных коммуникаций», во-вторых, увидеть культуру в системе координат пространства и времени, снискав репутацию исследователя «экологии человека». На примере монгольской юрты он метафорически показывает, как культура связана с пространством. Круглая по форме, стоящая где-то в безбрежной монгольской степи, юрта точно ориентирована входом на юг. Пространство внутри поделено и образует сложную сетку — восток/запад, север/юг, — так что в каждой части палатки осуществляется деятельность точно предсказуемого характера: социальная, техническая или ритуальная [10, с. 66].

С геокультурных позиций за пределами юрты пространственная ориентация не имеет смысла, внутри же — она безусловна. Это отражает глубокую психологическую потребность любого человека в чувстве защищенности, а такое чувство возникает, когда знаешь, где ты находишься. Со знанием того, «где ты находишься», связано не только территориальное, но и социальное положение. Пространственные ориенти-

¹ Подробно содержание схемы раскрывается в следующих публикациях: [8, 9].

**Миросистема на основе Гуманитарного научного
Образа мира**

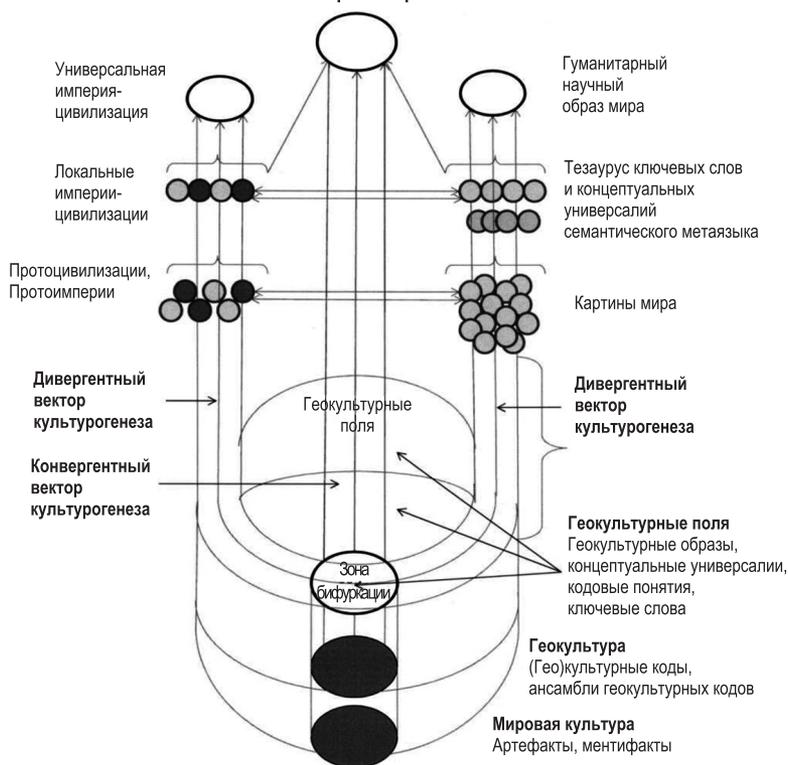

Схема 1

ры, например «правый» и «левый», имеют не только физический, но и символический смысл: правое, как правило, предпочтительнее левого. Но самое главное, что они могут существовать только вместе, образуя пару: без правого не бывает левого. Вслед за такими корифеями функционализма, как Бронислав Каспар Малиновский, Альфред Реджинальд Рэдклифф-Браун и Клод Леви-Строс, Э. Лич развивает концепцию «бинарного кодирования и бинарных оппозиций», имеющую важнейшее значение в культурных коммуникациях, в частности при формировании персональных конструктов. Допустим, бинарная оппозиция «Восток-Запад» несет в себе смысловое обобщение едва ли ни глобального уровня, схожее содержание может быть усмотрено и в противопоставлении «Севера и Юга», например, в культурогенезе европейских народов. А вот пространственные пары Восток/Север или Запад/Юг лишены какой-либо внятной метафоричности, так как не содержат бинарной оппозиционности.

Социальная антропология² как научная дисциплина различает объект и предмет исследования. Если объектом исследования всегда оставалось человеческое общество, то предметом в различных концепциях могло быть и общество, и культура. Структуры культуры и общества, находясь во взаимосвязи, никогда не сливаются,

² Социальная антропология — мультипредметная научная дисциплина, изучающая человека и человеческое общество, закономерности их развития и культурное многообразие.

образу «бинарную оппозицию». Социальному антропологу приходится выбирать, на чем делать акцент: на культуре или на обществе, и в зависимости от этого склоняться либо к социальному, либо к культурному детерминизму. Э. Лич стремится уйти от фатальной дилеммы в пользу так называемого «интерпретивного знания с символическим пониманием». Оно избыточно, т. е. не обязательно доступно для всех. Оно служит охватывающей системой для интерпретируемой реальной системы. Основу этого знания составляют бинарные оппозиции, логика которых охватывает Вселенную. Интерпретивное знание сравнительно легко трансформируется из «знания для себя» в «знание для многих», т. е. наряду с когнитивной функцией начинает выполнять функцию жизнедеятельности, обретая свойства интеркоммуникативности и, в конечном смысле, — реальности. Знак или символ приобретают значение только тогда, когда его отделяют от какого-либо другого, противоположного знака или символа и помещают в конкретную пространственную среду.

Человек окружает себя геометрически правильными предметами, тогда как в дикой природе, безусловно, преобладает беспорядочное пересечение хаотичных кривых. Человек нуждается (или ему так кажется) в упорядоченности окружающего его пространства, он часто ищет логику даже там, где ее, скорее всего, нет или она непостижима. Цель духовных усилий человека — привести представление о сложном к простому образу — упорядочить культуру, противопоставив ее сложной Природе. Природа же, напротив, демонстрирует полное пренебрежение «правильными формами», но ищет гармонии и симфоничности малого в целом. Вот как об этом рассказывается в старинной буддийской притче.

Махавира был современником Будды. Он основал религию джайнов, проповедуя идею ненанесения вреда всем живым существам. Махавира, как и Будда, никогда не говорил о Боге. Он говорил о Божественности, о Единстве, о Природе, о Жизни, об освобождении от пут невежества. Он учил, что природа двойственна и удерживает человека в сетях невежества. Эта двойственность проявляется в элементарной логике, а человеку для познания истины необходимо развивать парадоксальную и абстрактную логику. Примером такой логики был его ответ на вопрос: «Существует ли Бог?». Он отвечал на этот вопрос так: «Возможно “ДА”. Но подождите, не делайте поспешного заключения. Возможно “НЕТ”. Но подождите, возможно “ДА” и “НЕТ”. Язык очень беден, с его помощью трудно выразить столь сложную гамму представлений. Возможно “ДА” и неопределенное ни “ДА”, ни “НЕТ”. А возможно “НЕТ” и неопределенное ни “ДА”, ни “НЕТ”. Жизнь — это радуга. Возможно “ДА” и “НЕТ” оба, и неопределенное ни “ДА”, ни “НЕТ”».

По мнению Лича, сам по себе контраст между рукотворной геометрической топографией и хаотичной природной топографией является метонимическим знаком более широкого общего контраста между Культурой и Природой [10, с. 62–63]. Время и пространство как взаимосвязанные представления составляют среду обитания Природы и Культуры. Природа не может существовать вне пространства и времени, тогда как жизнь Культуры вне одного из компонентов этого комплекса представляется возможной. Так, Культура с преобладающим пространственным компонентом интерпретируется с помощью свойств синхронности и фрагментарности (дробности, детализации), что позволяет говорить о ней в контексте теории геокультурных пространств и геокультурных полей.

Культура с преобладающим компонентом времени живет жизнью «внепространственных идей», и поэтому на первый взгляд тождественна понятию «хронокультура»,

связанному с западно-христианской моделью культурного бытования. Так, приобретшие сегодня культовый характер мифы и музыка абсолютно хронокультурны, поскольку, согласно Леви-Строссу и Личу, *уничтожают время* [10, с. 56].

Понятие *хронокультура* в чистом виде характеризует затраты времени для образования тех или иных искусственных форм (в том числе впечатлений) и социально обусловленных моделей поведения индивидуумов, социумов и макросоциальных групп. Хронокультура как принцип фокусирует внимание на процессе и времени его протекания, как бы игнорируя пространство с его локальным разнообразием культур. Хронокультурный подход старается не замечать пространственного ландшафта, если он в культурном отношении неоднороден или, не дай бог, несет идею культурной альтернативы. На самом деле это иллюзия, просто под пространством сегодня весьма часто подразумевается не локальная и понятная разуму территория, а Мир в целом, представления о котором нередко пронизаны идеей «приватизированной локальности» — привязанности к своему реальному или ретроспективному местопребыванию. Вводя понятие *хронокультуры*, мы совершенно сознательно допускаем его в качестве бинарной оппозиции геокультуре. Бинарная оппозиция хронокультура/геокультура вводит в научный оборот особую оценочную шкалу, которая весьма остро ставит вопрос о культурном состоянии современного мира, выстраиваемом между двумя полюсами. Полюс хронокультуры символизирует универсальные ценности, восходящие прежде всего к западному паттерну культурного развития, с его акцентом на духовную независимость личности. Полюс геокультуры, напротив, указывает на сохранение локального культурного разнообразия.

Хронокультура — это вера, преобладающая над чувствами, вера в принципы, но без эмоциональной составляющей жизни, это «любовь не по расчету, но с расчетом», по словам персонажа «Обыкновенной Истории» И. А. Гончарова. Прагматизм и практицизм, которые сами по себе не плохи, но в отсутствии чувства легко превращаются в крайности фанатизма или безразличия. Хронокультура не принимает в расчет пространство, вытесняя его из логики рассуждений или подчиняя его логике культурного концепта. Привязанность высшего порядка — любовь — превращается в привязанность не к человеку как таковому, а к процессу привязанности (привычки), к заботе, опеке, помощи, ласке, сексу и т. д.

Возможно, все изложенное кому-то покажется пессимистичным и преувеличенным, а кто-то, напротив, увидит весьма заманчивую перспективу для индивидуального самоопределения без диктата «догм и вечных истин». Многие зависят от нашего отношения к тому, что мы называем современностью и хотели бы видеть в будущем. Верить в неизменность или менять веру — дилемма не из простых. Поэтому в заключение статьи вместо свода выводов — забавная история о вечном враге человечества.

Дьявол решил прогуляться с приятелем. Вдруг он увидел путника, который что-то поднял с земли. «Что он нашел?» — спросил спутник дьявола. «Кусочек Истины», — ответил дьявол. «И тебя это не беспокоит?» — изумился его приятель. «Совершенно не беспокоит, — ответил дьявол, Он не успеет им воспользоваться, поскольку я помогу ему сделать из истины предмет веры, поклонения и культа. Моя победа — лишь вопрос времени».

Эта притча указывает на два непохожих, но «по-человечески неотделимых друг от друга подхода к Бытию». Речь идет о выборе между верой или философствованием, следовании путем *Homo cogitans* (человека размышляющего) или *Homo credens* (человека верующего). В нынешние времена глубокой, как никогда, перестройки мироздания,

верующий человек, говоря словами В. Соловьева, «по необходимости становится мыслящим» [11, с. 740].

С востоковедных позиций (а все, что изложено в статье, изложено именно с востоковедных позиций) символической фигурой геокультуры выступает «Человек Востока», а символической фигурой хронокультуры выступает «Человек Запада», и «с мест они не сойдут». Подобно тому, как полушария головного мозга участвуют в мыслительной деятельности, «Человек Востока» и «Человек Запада» присутствуют в каждом из нас, влияя на характер мышления и модель поведения. Теперь они не вне системы человека, а внутри нее. Вопрос не в том, кто одержит верх, а в том, как они взаимодействуют, каким образом и в какой части системы возникает преобладание одного над другим и, наконец, каким будет рожденный этими взаимоотношениями результирующий вектор развития. Ответы на эти вопросы призвано искать современное востоковедение.

Литература

1. Шарден П. Т. де. Феномен человека. М., 1987.
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М. 1991.
3. Капица С. П. Парадоксы роста. Законы развития человечества. М., 2010.
4. Аншен Р. Н. Мировые перспективы // Эрих Фромм. Революция надежды. О гуманизации технического общества. Избавление от иллюзий. Сопоставление взглядов Маркса и Фрейда. М., 2005.
5. Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
6. Замятин Д. Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003.
7. www.gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/472
8. Зеленева Е. И. Постигание Образа мира. СПб., 2012.
9. Зеленева Е. И. Конструирование образа мира в контексте концепции геокультурного пространства и поля // Концепции современного востоковедения. СПб., 2012.
10. Лич Э. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001.
11. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. / под ред. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. М., 1988.

Статья поступила в редакцию 18 июня 2012 г.